ӨЗБЕКСТАН ССР ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ ХАБАРШЫСЫ

ЖИГИРМА БЕСИНШИ ЖЫЛ БАСЫЛЫЎЫ

ВЕСТНИК КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

№ 3 (97)

1984

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

НӨКИС НУКУС

каракалпаков экзогамия была неограниченной и не зависела от числа поколений, отделявших по отцовской линии кровного родства юношу и девушку. Достаточно было им принадлежать к одному и тому же роду, чтобы брак считался безусловно невозможным"[30]. Если раньше браки запрещались между членами определенного рода, то со временем рамки запрета сузились и принцип экзогамии стал распространяться и на членов подрода. Традиция соблюдения норм родовой экзогамии была настолько сильна, что передаваясь из поколения в поколение, сохраняется и в сознании современных каракалпаков.

Постепенно исчезает из быта каракалпаков широко распространенный в прошлом у народов Средней Азии и Казахстана древний обычай избегания. Существовали формы запретов и избеганий между самими супругами, между невестой-женой и родственниками ее жениха—мужа, между женихом-мужем и родственниками его невесты-жены, действие которых у среднеазиатских народов наступает с момента сватовства. Но в данном случае нас интересует бытование этого обычая в период до заключения брака, а не в самом браке. Этого обычая придерживаются сейчас в отношении родителей и родственников. Юноши и девушки, собирающиеся вступить в брак, встречаются, проводят время в кино, театрах и т. д. Это дает возможность им хорошо познать друг друга, что важно для устройства их будущей семейной жизни. Совместная работа, учеба, отдых, спорт, кино, театр—стали важным средством контактов молодежи.

За годы Советской власти каракалпакская семья стала моногамной, что является огромным прогрессом в семейно-брачных отношениях. Ныне семьи каракалпакских рабочих, колхозников и семьи интеллигенции составляют единый тип советской семьи, но окрашенный национальными особенностями.

Изложенное еще раз подтверждает учение марксизма-ленинизма: „Полная свобода при заключении браков может... стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности."[31]

АРХЕОЛОГИЯ

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОДСТАВКА СО СКУЛЬПТУРНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОНЯ

С 1982 года ведется исследование храмового сооружения городища Большая Айбуйир-кала, расположенного в 41 км к северо-западу от Шуманая на восточном склоне плато Устюрт.

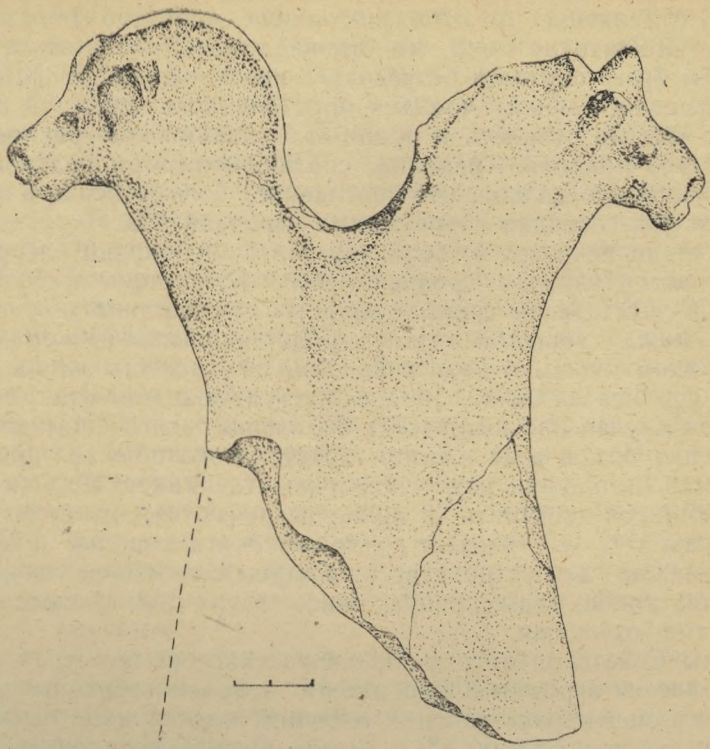
При раскопках храма огня (1983 г.) в помещении № 3 найдена керамическая подставка со скульптурными изображениями коня (рис. 1)

---

[29] *Морозов А. С.* Следы средних форм семьи у каракалпаков. Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, с. 118.

[30] *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. Труды Института этнографии, М. —Л., „Академия наук СССР" 1950, т. 9, с 70

[31] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 87.

Форма подставки—конусовидная, на полой высокой ножке. Сверху увенчана двумя смотрящими в разные стороны головами. Диаметр ее в нижней части—17 см, высота—31 см. Вверху тулово постепенно сужи-вается до 8 см. Толщина стенок тулова колеблется от 1 до 1,7 см Судя по сопровождающему керамическому материалу, слой, в котором она находилась, датируется I—III вв. н. э.

Подставка изготовлена из высококачественной красноватого цвета глины хорошего обжига, снаружи нанесен розовый ангоб. Головка коня имеет слегка горбоносый профиль с резко выдающимися скуловыми гребнями, торчащими ушами. Тщательно моделированная, плавноизогнутая высокая грива имеет выстрижку между ушей, образующую невысокий султан конической формы. На тупой морде изображен рот небольшой прорезной черточкой, четко переданы рельефные округлые глаза. Создается впечатление, что пара голов коней как-будто вырастает из ствола подставки. Между шеями коней образована глубокая полукруглая выемка, очевидно для вертела. Сохранившаяся высота—18 см.

Аналогичные подставки, как иногда их называют очажные подставки для вертела, происходят из среднего и верхнего горизонтов Кой—Крылган—калы [1, с. 125, рис. 50,2], они обнаружены также на Джанбас—кале и Базар—кале [2, табл. 80]. Очажные подставки под вертел встречаются очень часто на афригидских памятниках Хорезма, а также на памятниках Кердерской культуры [29, с. 252—253, рис. 11, 13; 34, с. 98, рис. 48; 30, с. 65, рис. 16,3,4]. У этих подставок верхние выступы, направленные в противоположные стороны, очень похожи на рудумент протомы животных.

Аналогию нашему предмету представляет хорошо известная в каунчинской культуре группа подставок ("шашлычница") в виде спаренных головок животных. Интересно, что ручки на крышке оссуария

из Миздахкана [31, с. 85, рис. 35, 3] и из Пскентского науса также представлены в виде двух голов животных на одном тулове [32 с. 134, рис. 3,4] Керамические подставки в виде грубых изображений голов быка с двумя рогами или голов баранов на концах широко распространены на памятниках нижней и средней Сырдарьи [3, с. 139. 20, 31, с. 180, рис. 59, 35—40] и на памятниках Ташкентского оазиса [33, с. 53; рис. 31, 38,60]

Зооморфные изображения на подставке, на наш взгляд, стоят в самой тесной связи с так называемым „звериным стилем" древних кочевников великого пояса степей Евразии, отражая смешанные черты художественной идеологии оседло-земледельческого населения Хорезма и его кочевой периферии. В качестве наиболее близкой параллели к рассматриваемой фигурке следует назвать развернутые головки коней на бронзовых подпружных пряжках из сакского кургана 55 группы Тегискена, датируемого VII—VI вв. до н. э. [4. с. 160, рис. 7,9].

За пределами Хорезма очажные подставки с зооморфными изображениями известны по материалам ряда памятников Армении и Закавказья большинство которых представляется в виде стилизированной фигурки быка (5, с, 17, рис. 10]. Б. А. Куфтин связывает их с аналогичными предметами из Малой Азии и соответствующими крито-микенскими „рогатыми алтарями" плодоносящей богини [6, с. 70—72].

Прототипы рогатых коней с крылами мы видим на головном уборе сакского вождя из Иссыка [7, с. 40, рис. 1; 8, с. 18—19, рис. 9] Изображение протомы двух животных обращенных головами в противоположные стороны известны с памятников Приобья (III в. до н. э.) [9, с. 237, рис, 1,16] и Таштыкской культуры (III—V вв) [10, с. 96, рис. 56, 2—6].

В религиозных представлениях многих индоиранских племен конь был символом солнца, солнечного божества. Так, саки-массагеты самому быстрому из богов—солнцу жертвовали самое быстрое из животных—лошадь [11, с. 79]. По сообщению Ксенофонта, у древних армян жертвенный конь был посвящен Гелиосу—солнцу [12 с. 113). Роль коня в солярном культе нашла отражение в авестийских текстах. Так, в Яште (гимне), посвященном Митре, божеству утреннего солнца, говорится, что ему поклоняются „сидящие на крупе своих коней, прося силы для них (коней)" [13, с 105; 14, с. 32—33].

Культ коня был тесно связан с культом огня. Недаром Айбуйирская фигурка относится к типу очажных подставок для вертела. Отметим, что на серебряных блюдах из Грузии, конь также изображен у алтаря огня [15, с. 224—241, табл, 16—17].

Скульптурное изображение голов коней, как-будто вырастающих из ствола подставки, несомненно связано с солярным культом. В ведической и авестийской мифологии в образе коней-близнецов фигурируют солярные Ашвины Насатья [16, с. 202—205], которые в древнеиндийской мифологии связаны с ашват-тхой-деревом—опорой Солнца [7. с. 12].

Близнечные культы, ограждавшие бинарные оппозиции в мышлении и дуализм в родоплеменном делении, составляют стержень космогонических мифов о происхождении и организации мира разных народов [7. с. 42].

У греков богов-близнецов почитали в образе Диоскуров—Кастора и Полидевка. Их считали сыновьями Леды и Зевса. Первоначально это были дорийские божества [17, с. 91]. В искусстве Диоскуров представляли юношами—одного (смертного) на черном, другого (бессмертного) на белом коне. Иногда же их изображали в виде двух противостоящих коней или двух конских головок. И образы эти были очень популярны в Элладе, потому что в глазах греков Диоскуры являлись воплощением

искренней дружбы [18, с 106]. Интересно, что дуальная схема прослеживается в мифологемах и других индо-иранских богов, связанных с мотивами организации, наведения порядка. Так, ведический Яма имеет женскую пару—Ями. Его аналог в Авесте—Йима—первоцарь, который согласно Видевдату (II, 1—19) в центре Мира совершил расширение Земли [7, с. 42]. Ведическое Уата переводится как „близнецы"; в Авесте аналогичная этимология у уата [19, с. 350, 355].

Близнецов - спутников богини-матери почитали и другие индоевропейцы; галлы называли богиню Епиной и изображали её стоящей между двумя конями; англичане чтили близнецов с „конскими" именами Хорса и Хенгист и представляли их в виде двух коньков. Следует заметить, что поклонение героям близнецам имело место у племен Майя Центральной Америки. Так, Майя области Верапас в Гватемале поклонялись богам близнецам Хунахпу и Эшбаланкену [28, с. 44]. Близнецы здесь были тесно связаны с подземным царством и, видимо служили посредниками между миром живых и миром мертвых [28, с. 43—44].

Божественные близнецы Ашвины многократно воспеваются в ведийских гимнах, хотя культ их относится ещё к довидийскому времени [17, с. 93]. Ашвины—сыновья солнца и кобылицы Ашвины—приносят людям богатство и плодородие. Показательно, что в индийской иконографии два ашвина располагаются по сторонам солнечного божества—в виде головы на стержне [20, с. 148—149].

Есть все основания предполагать, что в образе Айбуйирской подставки запечатлены пары—близнецы подобно Ашвинам, связанные с Древом Мира, вырастают из его тела составляя с ним одно целое. Изображение коней—близнецов отражает очень архаические пласты мифологических представлений с едином зооморфном образе Вселенной. Могив изображения коней—близнецов, прорастающих из Мирового Древа, правда в несколько схематическом плане, мы видим на монетах Кушанских царей [2, с. 184—186]. Изображение их появляется и в качестве украшения царского трона [14, с. 37] и головного убора [7, с. 40, рис. I] становясь одним из атрибутов царского достоинства. Видимо, кушанские знаки сохраняли древнюю семантику. С. П. Толстов, анализируя изображения на древнехорезмийских монетах, писал: „Чтение семантики хорезмийских, боспорских и родственных им тамг сармато - массагетских династов первых веков нашей эры может быть дано с достаточной определенностью... Исходной является... схематизированное изображение женской фигуры... со слившимися с ней двумя протомами коней, повернутых головами в стороны. Прекрасный образец этой композиции в виде миниатюрной бронзовой фигурки женщины, сидящей на соединенных протомах коней, найден в Армении „[2, с. 185—186, рис. 11]. Эта же схема сохранилась в предметах прикладного искусства угро - финов и урало - алтайцев [21, с. 106; 22, табл. 11].

Следы первобытной дуалистической мифологии и близнечного мифа сохранились в устном народном творчестве народов Средней Азии. Так, А. М. Золотарев на огромном фактическом материале доказал, что первой формой общественного устройства у первобытных обитателей земли была дуальная организация. Дуальная форма организации человеческого общества нашла отражение в мифологии, в частности, в таком её древнейшем пласте, который представлен дуалистическими мифами. Поскольку героями последних были братья, выступавшие как родоначальники противоположных фратрий, каждый из героев наделялся теми достоинствами и недостатками, какие приписывались членам фратрий, одна из которых считалась более сильной. Постепенно между фратриями возник антагонизм, переросший в обрядовую вражду: представителям одной из фратрий начали приписывать физические и

духовные достоинства, в то время как члены противоположной изображались менее сильными, менее ловкими и т. д. Это тоже получило отражение в мифологии. Братья-герои дуалистических мифов—превратились в антагонистов, один из которых был ловким, умелым, опытным, другой—неуклюжим, неумелым, глупым [23, с. 15]. Отражение дуальной организации общества С, П. Толстов видит в разделении на два противоположных жилых массива древнехорезмийских городов (2, с. 285, и сл.: 24, с. 163—164]

О существовании в прошлом у предков тюркских народов дуальной организации говорит ряд прямых указаний и косвенных фактов. Так, реликтом древнейшего членения на противоположные фратрии является деление тюркских племен и народов на две части: у гунов, киргизов, огузских и туркменских племен—правое и левое крыло, у древних тюрок—Западный и Восточный каганаты (23, с. 19]. Как реликт дуального членения общества у каракалпаков до сих пор сохранилось название парных племен: Кенегес—Мангыт, Ктай—Кыпшак, Кят—ашамайлы.

Следы представлений о дуальном членении Мира и происхождении его от близнецов встречаются и в каракалпакском орнаменте, в частности, в узоре „Кос муйиз"—„парные рога", в казахском „егиз" близнецы, или „жуп" (пара), последние представляют собой круг (он олицетворяет Вселенную), разделенный на две половины, одна из которых символизирует мир живых, светлый мир, другая—мир мертвых, мир тьмы [25, с. 31].

Сюжеты дуалистического мифа мы находим в генеалогической легенде тюркских народов. По данным Рашид ад—Дина, тюрко-монгольские народы происходят от двух человек [26, с. 77].

Дуалистические мифы частью вошли и в фонд зарождавшейся шаманистической религии, трансформировавшись в соответствии с усложнившимися религиозными воззрениями. Это можно проследить у сарыг-югуров, живших изолированно от остальных тюрок. Сарыг - югуры подразделяются на степных и горных. Божество степняков выступает в белой одежде, на белом коне и с белым лицом, божество горцев—в черной одежде, на черном коне и с черными скулами. Соответствуют своим божествам и люди, что указывает на былую роль божеств, как родоначальников фратрий; у горцев глаза завистливые, а у степняков — добрые, горцы—любители драк, они сварливы и сердиты, степняки же—народ добрый и мирный [27, с. 153]. Влияние дуально-мифологических представлений выразилось и в разделении шаманов и их духов—помощников на белых и черных.

Все это позволяет предположить, что скульптурное изображение головок пары коней-близнецов, вырастающих из ствола подставки, связано с Древом Мира. Изображение коней - близнецов отражает очень архаичные пласты мифологических (дуалистических) представлений о едином зооморфном образе Вселенной. Поэтому божественные близнецы, очевидно, играли особую роль в культовых церемониях. имевших целью способствовать благополучию общества, семьи и преумножению их богатств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьева М. Г.* Керамика. В кн. Кой—Крылган—кала—памятник культуры древнего Хорезма IV в. до .н э.—VI в. н. э. Труды Хорезмской археолого—этнографической экспедиции (ТХАЭЭ. т V, М., „Наука", 1967.
2. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко—археологического исследования. М., изд-во МГУ, 1948.
3. *Левина Л. М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. ТХАЭЭ, т. VII, М., „Наука", 1971.
4. *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи. „Советская археология", 1966, № 2.

5. *Есаян С. А.* Скульптура Армении эпохи ранней бронзы. Сб. Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., „Наука", 1981.
6. *Куфтин Б. А.* К проблеме энеолита Внутренней Картли и Юго—Осетии. Тб,, 1944.
7. *Акишев А. К.* Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык). Краткие сообщения Института археологии. вып. 154 (КСИА). М., 1978.
8. *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., „Искусство", 1978.
9. *Плетнева Л. М.* Предметы звериного стиля в Среднем Приобье. Сб. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., „Наука", 1978.
10. *Грязнов М. П.* Таштыкская культура. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, „Наука", 1979.
11. *Геродот.* История в девяти книгах. (перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л, „Наука", 1972.
12. *Ксенофонт.* Анабасис. Перев. М. И. Максимовой. М., изд-во АН СССР, 1951.
13. *Брагинский И. С.* Из истории Таджикской народной поэзии. М., изд-во АН СССР, 1956.
14. *Беленицкий А. М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье. КСИА, вып. 154, М., 1978.
15. *Сатулашвили Д. М.* Материалы к истории быта и культуры грузинского народа. Тбилиси, 1964.
16. *Иванов В. В.* Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. В кн.: Балто—славянский сборник. М., „Наука", 1972.
17. *Кругликова И. Т.* Настенные росписи Дильберджина. Сб. Древняя Бактрия (Материалы Советско—Афганской экспедиции 1969—1973 гг.). М., „Наука", 1976.
18. *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаб. М., „Наука", 1977.
19. *Ригведа.* Избранные гимны. Перев, коммент, и вступ. статья Т. Я. Елизаренковой. М., „Наука", 1972.
20. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники „Крыши мира". М, „Наука", 1972.
21. *Кузьмина Е. Е.* Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей. КСИА, вы. 154.
22. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., „Наука", 1975.
23. *Турсунов Е. Д.* Генезис казахской бытовой сказки (в аспекте связи с первобытным фольклором). Алма—Ата, „Наука", 1973.
24. *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма ВДИ, 1941, № 1.
25 *Касиманов С.* Казак халкынын кол онери Алма—Ата. „Ылым", 1969.
26 *Рашид ад—Дин* Сборник летописей. т. I, кн. 2. М.—Л., 1952.
27 *Малов С.* Язык желтых Уйгуров. Тексты и переводы М., 1967
28 *Гуляев В. И.* Боги древних Майя. Сб. Атеистические чтения. вып. 12. М., „Политиздат", 1982.
29 *Неразик Е. Е.* Керамика Афригидского периода Хорезма. ТХАЭЭ. т. IV, М., „изд—во АН СССР," 1959.
30 *Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, „Фан", 1964.
31 *Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, „Фан", 1970.
32 *Буряков Ю. Ф.* Пскентские наусы. СА. 1968, № 3.
33. *Филанович М. И.* Ташкент Зарождение и развитие городской культуры. Ташкент, „Фан", 1983.
34 Городище Топрак-кала. (раскопки 1965—1975 г. г.) ТХАЭЭ т. XII. М., „Наука", 1981.

Summary

The article deals with the semantics of the pair of the horse heads on the prop for the spit from Aibuijr. The portray of the horses—twins represents very. Archaie plasts of mythical imagination about the, common zoomorphic image of the Universe, they are connected with the Tree of the Earth.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

ГБ УзССР
Б/А

11
1975

Эпз
№

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

дан икки қисмини олади ва асбоб-ускуналарни, от-уловни қайтариб беради ва давлатга солиқ ҳам тўлайди. Бир десятина ер учун чорикорга 58 сўм 59 тийин тўлаган[22].

Бундан ташқари, кўпчилик чорикорларнинг хароба, вайрона кулбаларидан бошқа ҳеч нарсалари йўқ эди. Шунинг учун ҳам чорикор ҳар доим ҳамма нарсага муҳтож эди. Чорикор асосан 7 ой давомида ишлайди. Унга қиш мавсумида иш йўқ. У кетмон, омоч-ўроқдан ташқари бошқа ҳеч қандай ҳунарни билмайди ва қишнинг охирига бориб оч қолади.

Натижада чорикор бойга ялиниб, озиқ-овқат сўраб келади. Бой эса ярим йил муддатга, яъни ҳосил йиғиштириб олингунча бир пудини бир ярим пуд қилиб бериш шарти билан қарз берарди. Келаси йилда эса яна шу воқеа такрорланади. Бора-бора чорикорнинг бойдан қарзи кўпайиб, у умрбодга қарздор бўлиб қолади.

Демак, чорикорнинг экиндан олган ҳиссаси хўжаликни тўла таъминлаш учун етмайди, фақат кун кўриш учун ишлаш натижасида у аста-секин мардикорга айланади.

Мардикор — бу алоҳида социал группа бўлмасдан, балки ўзининг илгариги хўжалигини тебрата олмай қолган киши бўлиб, вақтинчалик четга бориб ёлланиб ишловчи — деҳқондир.

Мардикор ана шу иш кунида (150 иш куни) 120 сўм[23] уйига олиб келади. Бу эса унинг бир йиллик даромади ҳисобланади. Чунки у қишда ишламайди.

Кўпгина бой ва қулоқ хўжаликларида мардикорни йиллик ва белгиланган вақтга мўлжаллаб олар эди. Бир йиллик мардикорнинг иш ҳақи мавсумли мардикорнинг иш ҳақига қараганда кам бўлар эди.

Шунингдек, қулоқлар хўжалигида батраклар ва ёлланма ишчилар ҳам ишлаганлар. Елланма ишчиларнинг ишбай ва кунбай иш кунига Самарқанд уездида от-уловсиз ишчига 30 дан 55 тийингача, ўзининг от ёки хўкизи билан ишласа 75 тийиндан 1 сўмгача ҳақ тўланган.

Қаттақўрғонда уловсиз ишчига 30 дан 45 тийингача, от-улов билан ишласа 1 сўмдан 1 сўм 20 тийингача, Хўжандда уловсизга 30 дан 45 тийингача, от-улов билан 1 сўм 30 тийингача ҳақ тўланган[24].

Шуни қайд қилиш керакки, маҳаллий ер эгалари кунбай ва ишбай меҳнатига кўра, йилига 60 сўм ҳақ оладиган кишиларни ишлатишни афзал кўрадилар. Чунки бундай кишиларга одатдагига қараганда 10—15 процент кам иш ҳақи тўланарди.

К. К. Паленнинг кўрсатишича, Самарқанд областининг 7 та районидаги 663 та бой хўжаликдан 362 таси ёлланма меҳнат кучидан фойдаланган шундан ҳар бир ёлланма ишчига 304 оила (46,8 процент), икки ёлланма ишчига — 43 оила (11,8 процент) ёки учта ёлланма ишчига — 15 оила (4,3 процент) тўғри келади. 301 хўжалик ўз кучини сотиб ишлади, шундан 161 киши (36,5 процент) ва 279 (63,5 процент) оила — жами 440 киши мавсумий ишчи бўлиб ишлаган[25].

Келтирилган бу фактлардан маълумки, Самарқанд областининг 7 районида ишловчи йиллик ишчига қараганда, мавсумли ишчиларнинг сони кўпдир. Лекин бу қишлоқ буржуазиясининг ёлланма ишчини эксплуатация қилиш аҳамиятини пасайтирмайди.

Юқорида қайд қилинган камбағал деҳқонлар бир парча ерларда ёки оғир шароитда ижарачи сифатида ишлар эдилар. Камбағал-деҳқонларнинг ўз оиласини боқишга ва хўжаликни тебратишга қурби етмасди. Областда саноат корхоналари деярли йўқ эди. Шаҳарларда кўп сонли ерсиз деҳқонларга иш топилмасди. Шунинг учун ҳам улар қишлоқдан кета олмас ва бойларнинг ерларида ёлланиб ишлашга мажбур бўлар эдилар.

Шундай қилиб, Туркистон ўлкасига, шу жумладан Самарқанд области қишлоқларига капиталистик муносабатларнинг кириб келишига қарамасдан қишлоқларда эксплуататорликнинг феодал негизи сақланиб қолди. Бу процесс қишлоқ меҳнаткашларини хонавайронликка ва ишлаб чиқариш ресурсларининг пассивлашишига олиб келмоқда эди.

Х. Нормуродов

---

[22] В. И. Чертов, Исследование экономики и бытовых условий Дагбитской волости, СКСО за 1896 г., Самарканд, 1896.

[23] П. В. Позняков, Культура риса и её экономическое значение в Самаркандской области, СКСО за 1907, вып. 2, Самарканд, 1907, 26-бет.

[24] Уша китоб, 28—29-бет.

[25] К. К. Пален, Кўрсатилган китоб, II қисм, 111—112-бетлар.

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЛИТКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ ИЗ ХУМБУЗТЕПА

Во время археологических разведок, проводившихся в 1973 г. сектором археологии Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева КК ФАН УзССР на территории Хорезмской области, в местности Карагаш, было обнаружено античное

поселение Хумбузтепа. Памятник расположен в 17 км к востоку от г. Хазараспа, на интенсивно размываемом берегу Амударьи. По сообщениям местных жителей, за несколько десятков лет половина памятника была уничтожена рекой. Сохранившаяся часть площадью около 4 га частично распахана и занята грунтовой дорогой.

Судя по нашим материалам, Хумбузтепа было поселением гончаров, одним из крупных центров ремесленного производства античного Хорезма. Об этом свидетельствуют следы многочисленных гончарных печей, разнообразные отходы керамического производства. Гончарные отвалы мощностью 0,5—1,5 м тянутся по берегу реки на протяжении более 1 км. Среди находок отмечаются многочисленные фрагменты хозяйственных, столовых, культовых сосудов разнообразной формы, керамические обожженные ядра для пращи и т. д. Заслуживают упоминания обломки кувшинов с львиноголовыми ручками и фрагмент стенки сосуда с изображением фигуры всадника в пластинчатом доспехе.

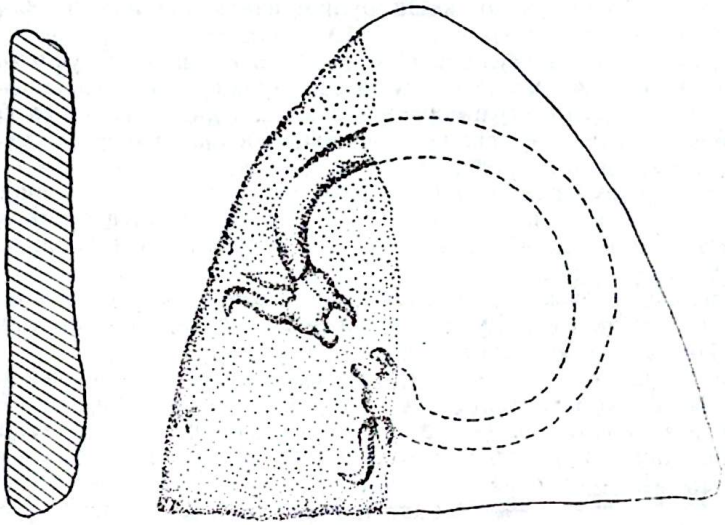

Рис. 1. Изображение фантастических животных на керамической плитке из Хумбузтепа.

Особый интерес представляет фрагмент керамической плитки с рельефно выполненной гривной с парными зооморфными изображениями на концах (рис. 1). Судя по фрагменту, плитка имела подтреугольную форму с закругленными углами и слегка выпуклыми боковыми сторонами. Высота — 19 см, ширина по основанию — 18 см, толщина — 2,5—3 см. Плитка отформована из хорошо перемешанной глины с примесью песка и мелкотолченного гипса. Обжиг равномерный, черепок в изломе светло-кремовый. Лицевая поверхность покрыта тонким светлым ангобом. Края слегка сглажены, прямой нижний край срезан.

Очевидно, перед нами — часть крышки оссуария. Среди обнаруженных в Хорезме оссуариев многие имеют боковые отверстия, которые закрывались аналогичными крышками[1]. Изображенный на плитке предмет типа гривны представляет собой толстый незамкнутый овал, украшенный на концах головками двух фантастических существ (драконов?). Головы драконов в угрожающих позах с оскаленными пастями обращены друг к другу. Кончики длинных ушей (рогов?) наклонены вперед. Глаза переданы простым точечным углублением. Высота рельефа 0,5—0,8 см.

Подобные изображения на крышке оссуария должны были, вероятно, выполнять функции погребального апотропея. Такую функцию, например, несут более поздние по времени рельефные изображения двух львов, сидящих по сторонам двери, на одном из оссуариев с Афрасиаба[2].

Изображение на плитке из Хумбузтепа стилистически тесно связано с памятниками скифо-сакского и ахеменидского искусства. Так, оно близко к одному из золо-

[1] Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии), Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. VI, М., 1971, стр. 75, рис. 22, 23.

[2] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве в X — начале XIII в., Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 321.

тых браслетов Амударьинского клада, относимых О. М. Дальтоном к V—IV вв. до н. э.[3] Сходные гривны с головками животных на концах имеются в Сибирской коллекции Петра I и датируются IV в. до н. э.[4] Плитку из Хумбузтепа, видимо, можно отнести к V—IV вв. до н. э. Заметим, что в комплексе обнаруженных там керамических материалов отмечается и керамика архаического периода (VII—V вв. до н. э.).

В Хорезме керамическая плитка с подобным изображением найдена впервые. Отмеченные аналогии, очевидно, указывают на переднеазиатскую или сакско-скифскую художественную среду, связями с которой, вероятно, и обусловлено появление подобного мотива в изобразительном искусстве архаического Хорезма, как это отметили на основе ряда археологических находок С. П. Толстов[5] и М. Г. Воробьева[6].

Искусство архаического Хорезма развивалось в процессе взаимодействия с искусством сопредельных стран Переднего Востока и Южной Сибири. Эти связи особенно усилились с вхождением различных областей, в том числе среднеазиатских, в состав государства Ахеменидов. Именно к тому периоду относятся бронзовые браслеты с головками змей на концах, обнаруженные в архаических поселениях Хорезма[7]. Издавна распространенные в Передней Азии и модные в ахеменидское время, они, видимо, попали на территорию Хорезма в результате обмена[8].

Можно полагать, что дальнейшие исследования на Хамбузтепа дадут новые данные по древнему искусству Хорезма и обогатят наши знания о культурных связях местного населения с народами Передней Азии и соседних кочевых степей.

М. Мамбетуллаев

---

[3] М. И. Артамонов. Сокровища саков, М., 1973, стр. 44, илл. 54.
[4] Там же, стр. 187, илл. 240.
[5] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 196—198.
[6] М. Г. Воробьева. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме, Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 9, М., 1973, стр. 158.
[7] Там же, стр. 174.
[8] Там же, стр. 173—175.